

АШИМОВ
И.А.

Философия
трансфера сознания.
Трактат

Ашимов И.А.
Философия трансфера
сознания. Трактат

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73211358

SelfPub; 2026

Аннотация

Монография посвящена философскому анализу скрытой антропологической мутации человека в эпоху нейротехнологий, искусственного интеллекта и проектов трансфера сознания. Автор разрабатывает концепцию антропологического предела, показывая, что технологическое расширение человеческих возможностей переходит в качественное изменение онтологического статуса человека – от субъекта смысла и морали к вычислительному объекту техносферы. В работе вводятся и систематизируются оригинальные концепты эстафетной гуманологии, техноэстафеты, этики запаздывающего сознания, философии предупреждения и человеческого конца как альтернативы техноутопиям бессмертия. Монография сочетает философский, нейронаучный, культурологический и художественно-антропологический анализ, формируя целостную доктрину критики трансгуманизма и постгуманизма. Адресована философам, исследователям сознания, биоэтикам, специалистам

в области нейротехнологий и ИИ, а также интересующимся философией будущего

Содержание

Слово о книге и ее философском замысле	5
Введение	13
Обзор философских функций собственных произведений в рамках философии незамеченной трансформации человека.	30
Часть I	51
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Ашимов И.А.

Философия трансфера сознания. Трактат

Слово о книге и ее философском замысле

Нами проведены многолетние целевые гуманитарные исследования, результаты которых отражены в свыше 200 научных монографиях, художественных и философских книгах, а также обобщениях в форме научных идей, концепций, теорий. По итогам исследований сделаны 2 научных открытия, сформирована 1 философская доктрина, 1 учение. В 2015 году были опубликованы мои монографии «Трансфер сознания» и «Переформатирование сознания», за которыми последовали ряд изданий, касающихся проблем «Философии трансфера сознания». Сейчас возникла необходимость концептуального обобщения этого материала, касающейся философии трансфера сознания под темой: «Философия незамеченной трансформации».

В чем заключаются ключевые аспекты данного философского трактата. Прежде всего, в эпоху глобализации, экстре-

пии, техно-гуманитарного кризиса дальнейшая судьба эволюции сознания стало неочевидным из-за того, что человеку, как носителю сознания либо грозит тотальное уничтожение из-за технологических, природных, экологических, демографических, социально-психологических кризисов, либо самоуничтожение из-за глобальных гуманитарных кризисов. В этом контексте, человек как био-социо-экзистенциальное существо сейчас уже оценивается как неблагонадежный в качестве биологического носителя сознания, а потому в мире запущен процесс активного поиска более надежного носителя сознания в будущем. Этой миссией наделена нейроника (ИИ, нейросеть).

По заключениям нейроники впереди человеческой цивилизации намечается кардинальный антропологический разрыв – разрыв между различными стадиями развития самого человека и человечества. Причем, на всех уровнях – биологическом, технологическом, философском. Нужно осознавать тот факт, что перенос сознания на искусственные носители предполагает безусловную трансформацию человека от биовида к техновиду. Каковы этапы такой трансформации? Какова роль и значимость создания «цифрового двойника» человека? Какова роль и значимость эзокортекса, функционального картирования мозга человека, динамической стимуляции мозга? Когда и как наступит полная эмансипация и слияние мозга и ИИ? Когда наступит всевластие ИИ как «нового сознания». Какую функцию мы выполняем в этих

уравнениях? Куда денется эмоциональный спектр человека? Какова судьба человека перед своим концом?

Надо полагать, что ИИ в своем наступательном развитии столкнется с тупиком, ибо, чистая логика имеет пределы. Она не может вообразить того, чего нет – нет интуиции, инстинкта, иррациональность. Человеку же как носителю смысла, боли, страдания, совести и этих биологических качеств придет конец. Чем ознаменуется такой исход для биологии, социологии, философии, психологии, технологии?

Сейчас ситуация такова, что человечество продвигается к сингулярности, к единой цифровой сущности. Какова будет траектория перехода человека от биовида к техновиду? Сейчас, мы так или иначе заняты тем, что строим для реализации такого перехода интерфейс «мозг+ИИ», через который пытаемся «привить» эмоциональный спектр, скачать накопленный нами генетический опыт. Удастся ли эти попытки, если будет исключен из процесса биология, генетика? С чем столкнется такой прогресс в деле трансфера сознания? Нужен ли такое достижение через такую цену – потерю биологического контекста, ибо, природа генетики, ДНК, генофонда – это уникальные эволюционные достижения биологической сути человека? Неужели природа, которая изобрела самую сложную во вселенском масштабе феномены как ДНК, гены не может найти выход из создавшейся ситуации, грозящая концом самого человека – высшего существа?

В эпоху технологического прорыва и всеобщей тотальной цифровизации человека ассоциируют лишь с биологическим инкубатором, как впрочем осу-наездника, которая откладывает яйца в тела гусеницы. Эта гусеница живет, питается, растет, не подозревая, что внутри неё зреет чужая жизнь, которая однажды вырвется наружу, поглотив хозяина. Что если человеческое сознание – это лишь питательная среда для созревания чего-то иного? Мы развиваем личность, накапливаем знания, считая, что это наше достояние. Но, возможно, мы просто набираем массу, чтобы стать достойной оболочкой и в момент конца личинка, созревшая внутри нашей психической структуры, вылупляется и уходит в высшие измерения, оставляя сброшенную оболочку тела.

Что представляет собой это абстрактное «высшее»? Что если ноосфера в будущем – это гигантский вычислительный кластер, выращивающий уникальный тип сознания, способный существовать и развиваться в космическом масштабе, переживая даже тепловую смерть Вселенной. В этом случае каждый человек воспринимается не личностью, а транзистором, передающим сигналы. Какова его судьба, если предположить то, что когда обучение нейросети завершится, когда модель сойдётся, необходимость в аппаратном обеспечении (человек) отпадёт сама собой? В этом аспекте, очевидно то, что человеческая цивилизация движется к сингулярности, а это означает не что иное как радикальный конец человека.

Итак, понятно, что в эпоху технологизации, цифровиза-

ции, аватаризации, виртуализации роль человека как субъекта падает и в нынешнем человечестве угнездился некий глобальный страх. Кто мы в биологическом смысле: инструмент, ресурс, среда, кокон, подопытный кролик? А ведь страх перед небытием самый мощный катализатор, а потому люди все чаще начали понимать, что их биологические тела – не совершенны, что сам человек онтологически недостаточен, что его тело представляет собой тюремную камеру с таймером конечного отсчёта.

В возникшей ситуации вполне закономерно то, что человек приступил к самой дерзкой операции за всю историю своего вида – развил тотальный и бесконтрольный научно-технологический прогресс. Без должного гуманитарного контроля этот технологический обвал напоминает паническую попытку найти более надежный технологический носитель сознания как высшего достижения человеческой цивилизации, либо повысить свой потенциал за счет использования технологических ресурсов (ИИ, нейросети). Человек уже сам понимает, что в данном случае речь может идти о получении лишь некоторой отсрочки для конца.

Получается, что человек, возможно, создал ИИ, ибо, понимает, что его разум слишком велик для черепной коробки, что люди, вероятно, это программные обеспечения, запущенные на ненадежном носителе. В этом контексте, надо полагать, что люди уже на подсознательном уровне уже решили, что нужно перенести сознание в более надежный но-

ситель. В этом аспекте, ИИ воспринимается спасательным кругом для человечества, это его дитя, которое в метафорическом отображении должно сожрать родителей, чтобы стать Богом.

Итак, есть понимание того, что именно вышеописанную траекторию будущего человечество выбрала как свой путь. В целях адаптации к такому подходу, с помощью нейроинтерфейсов и квантовых компьютеров они, то есть мы сейчас лишь пытаемся расширить полосу пропускания нашего сознания до масштабов Вселенной. Насколько такой путь и такой подход уникален, оптимален? Или же это исключительно вынужденная мера с учетом тотальной угрозы биологии человека, его уязвимости?

Мы всегда гордились тем, что являемся носителями смыслов, но переставая быть людьми в биологическом смысле и получив цифровое бессмертие тем самым выставив ультиматум смерти. Казалось бы выигрыш очевиден – бессмертие, рациональность, оптимум, ибо, понимая, что боль, страх, иррациональность, любовь не останутся в цифровом коде, их ожидает участь быть удаленными как неэффективные, не рациональные алгоритмы. Остается открытым вопрос: Есть ли другие альтернативы более «человечного» конца самого человека?

Мы стоим на пороге величайшего, а возможно последнего, перехода. Что кроется в нашей готовности превратить всю планету в один гигантский компьютер, чтобы вычислить

путь к неочевидной, по сути, свободе. ИИ победит, но увидит холодное, безупречное и безразличное отражение собственной пустоты, умноженной на бесконечность. Разве в этом заключалась миссия человека как высшего существа, носителя смысла, качества наблюдателя и оценщика мира? Конечно же человек, человечество попытаются затормозить такое развитие событий, но она будет похожа на тормоз в космосе голыми пятками.

Нужно признать тот факт, что «Ящик Пандоры» уже открыт, нейроника, генетика, экзокортекс развиваются семимильными шагами, коды трансформации человека написаны, нейроны соединяются с транзисторами. На таком фоне впереди себя человек видит лишь свой окончательный конец. В этом и заключается наша трагедия: А может в этом есть суть нашего триумфа? Ведь мы создали новую архитектуру сознания, на свет явилось «новое сознание», человек с успехом осваивает сетлеретику – новую сверхтехнологии как более надежного носителя сознания. Не станем ли мы космическим вирусом, вырвавшимся из пробирки, готовым инфицировать саму ткань космоса своим неукротимым желанием существовать, обладая «новым сознанием»?

Концептуальный замысел книги заключается в экспертной фиксации исходной исследовательской рамки. Замысел находится на уровне философского размышления на конкретную тему. Объектом наших исследований является глобальная антропологическая трансформация человека в усло-

виях техно-гуманитарного кризиса, нейроники, ИИ и сингулярности, тогда как предметом исследований является незамечаемый (латентный) процесс трансфера, переформатирования и эмансипации сознания от биологического носителя.

В чем заключается суть ключевой философской проблемы? Прежде всего, проблема заключается в том, что человек утрачивает статус субъекта эволюции, не осознавая момента собственного онтологического демонтажа. При этом метадоктринальным контекстом выступает доктрина «Эстафетная гуманология» как рамка (философия предупреждения, эсхатология без апокалипсиса, антиэсхатологический технопрорыв как форма паники). В этом плане, книга носит не описательный, а диагностико-предупредительный характер. Причем, с антропологической и нравственной осью.

Введение

Общеизвестно, человечество вступило в фазу радикальной трансформации без осознания самого факта перехода. Если ранее, исторически цивилизационные переломы сопровождались мифами, религиями, философскими катастрофами, образами конца и обновления, то нынешний перелом лишён подобного сопровождения, ибо, процесс происходит тихо, технологически корректно под знаком прогресса, оптимальности, эффективности и заботы о будущем. То есть такой переход остаётся незамеченным.

Сейчас мы переживаем эпоху глобализации, экстропии, тотальной цифровизации, когда человек впервые в истории стал рассматриваться как неблагонадёжный носитель собственного сознания, признавая его биологию уязвимой, смертной, неэффективной, а его психику и экзистенцию нестабильной, трагичной. В качестве альтернативы человеческая цивилизация запускает масштабный, тотальный, однако, не совсем хорошо осмысленный технологический проект по созданию более надёжного носителя сознания, сутью которого является трансфер сознания. Вот-так возникает философия трансфера сознания (загрузки разума) – не как абстрактная гипотеза, а как стратегический вектор развития нынешней цивилизации.

Важно отметить, что ключевая особенность происходя-

щего заключается в том, что трансформация человека осуществляется до философского понимания её последствий. Речь идет о прямом игнорировании философии как гаранта правильного осмысления. Компьютерное протезирование мозга, нейроинтерфейсы, эзокортекс, гибридные системы «мозг + ИИ», виртуализация реальности, аватаризация, создание цифровых двойников, развиваются быстрее, чем формируется понятие о том, что именно в результате исчезает. Получается, что человек, сам того не замечая участвует в собственном демонтаже как в инженерном проекте, никак не задавая вопроса о смысле утраты.

Настоящая работа исходит из тезиса, что сейчас мы имеем дело не просто с технологическим скачком, а с антропологическим разрывом – переходом от человека как биовида к человеку как техновиду. Самое трагичное в том, что этот переход не фиксируется как критическое событие, не осознаётся как конец и потому не переживается трагически. Отсюда возникает феномен, который в данной книге обозначается как незамечаемая трансформация. Под «незамечаемой трансформацией» нами понимается процесс, в ходе которого: во-первых, изменяется онтологический статус человека и утрачивается субъектность как источник смысла; во-вторых, сознание редуцируется до функции и ресурса, а ответственность рассеивается между алгоритмами, системами и инфраструктурами. В итоге, разыгрывается трагика исчезновения экзистенциального измерения человеческого суще-

ствования.

Самое интересное то, что при этом ни один из этих пунктов не переживается как катастрофа, а напротив, каждый шаг считается рационально оправданной то ли борьбой со смертью и оптимизацией жизни, то ли расширением когнитивных возможностей и стремлением к бессмертию. В совокупности же они образуют траекторию, ведущую к концу человека как меры самого себя. В этом контексте, методологически данная книга опирается на разработанную нами доктрину «Эстафетная гуманология» (Научное открытие «Закономерная связь между технологическими и гуманитарными предосторожностями»), согласно которой человеческое сохраняется не через перенос носителей, а через передачу смыслов, ответственности и пределов. С этой позиции трансфер сознания и нейрохакинг рассматриваются нами не как формами спасения человека, а как признаки утраты веры в саму возможность эстафеты. Там, где прекращается передача опыта, начинается переписывание носителя.

В научной и футурологической среде, включая прогнозы трансгуманистов на 2026 год, процесс трансфера сознания рассматривается как постепенный переход от биологического субстрата к цифровому. На текущий момент (январь 2026 года) выделяют пять ключевых этапов этого процесса:

Первый. Этап создания «цифрового двойника» данных, на котором мы находимся сейчас. ИИ собирает все доступные данные о человеке – историю переписки, записи голо-

са, видео, предпочтения и паттерны поведения, в результате которого появляются чат-боты, аватары, роботы, имитирующие стиль общения человека, но пока не обладающие его сознанием.

Второй. Этап контекстуального дополнения, в котором развертываются внешние системы обработки информации (экзокортекса). Человек начинает постепенно делегировать когнитивные функции (память, анализ, принятие решений) облачному ИИ, в результате которого происходит размывание границы между «моими мыслями» и «подсказками системы», появляются продвинутые нейроинтерфейсы и носимые ИИ-устройства.

Третий. Этап функционального картирования мозга, в котором происходит полное сканирование структуры мозга, выявление связей между нейронами с помощью сверхвысокопольных МРТ и нанороботов, способных фиксировать состояния синапсов. К настоящему времени ученые научились детально картировать мозг мелких животных, но человеческий мозг остается слишком сложным для полной моментальной оцифровки без потери данных.

Четвертый. Этап динамической симуляции, в котором осуществляется перенос считанной карты мозга на вычислительную платформу, способную имитировать биологическую нейронную активность в реальном времени. В итоге сознание начинает функционировать на небиологическом носителе. Но здесь возникает философский парадокс «кораб-

ля Тесея»: «если заменять нейроны цифровыми аналогами один за другим, в какой момент это перестает быть оригинальным человеком?».

Пятый. Этап полной эмансипации и слияния, в котором сознание полностью отделяется от биологического тела. В итоге, существование человека станет в виде чистого интеллекта в цифровой среде или распределенной сети, а биологическая смерть перестает означать прекращение личности.

Нужно подчеркнуть, что, сейчас, несмотря на прогресс Нейролинка и успехов больших языковых моделей, полный трансфер сознания остается пока теоретической концепцией. В настоящее время основные усилия науки сейчас сосредоточены на 2-м этапе (интеграция с экзокортексом) и 3-м этапе (картирование мозга для медицинских целей). Главными препятствиями остаются не только вычислительные мощности, но и отсутствие единой нейробиологической теории сознания, хотя, в разрешении «трудной проблемы сознания» совершаются невообразимые технологические прорывы.

Следует отметить, что философия трансфера сознания исследует возможность переноса человеческого интеллекта и самосознания с биологического мозга на искусственный носитель. Основными вопросами трансфера сознания являются:

- 1) Проблема тождества личности. Останется ли «загруженная» копия тем же самым человеком или это будет лишь имитация? Если психологический подход означает то, что

личность определяется непрерывностью памяти и характера и если копия обладает вашими воспоминаниями, это «вы», то биологический подход означает то, что сознание неотделимо от конкретного биологического субстрата, когда копия – это лишь цифровая фотография личности, лишенная «подлинного» субъективного опыта.

2) Проблема телепорта. Если сознание – это информация, тогда её можно дублировать? Возникает парадокс копирования. Если создать две цифровые копии одного человека, какая из них будет «настоящей»? С точки зрения стороннего наблюдателя, обе копии идентичны оригиналу, а с точки зрения субъекта, возникает дилемма: сознание не может находиться в двух телах одновременно, что наводит на мысль, что трансфер – это не телепортация, а уничтожение оригинала и создание дубликата.

3) Функционализм / биологизм. Если функционализм утверждает, что сознание – это функция (алгоритм). При этом, неважно, на чем он запущен – на нейронах или на кремнии, тогда как биологический натурализм (Дж.Сёрль) утверждает, что мозг обладает специфическими каузальными свойствами, порождающими сознание. В этом аспекте, машина может имитировать понимание, но не обладать им.

4) Квалиа и субъективный опыт. Может ли цифровой разум обладать квалиа – субъективным ощущением цвета, боли или радости? Если да, то существует риск создания «философского зомби», когда система ведет себя как человек,

но внутри не имеет «света» сознания.

5) Этические и социальные последствия. Станет ли цифровое бессмертие привилегией богатых, создавая новый вид неравенства? Обладает ли цифровая копия правами человека? Можно ли её «выключить» или редактировать её код (память)? Если трансфер сознания возможен, то изменится не только само определение смерти, но и ее статус: смерть тела перестанет быть концом личности.

Таким образом, философия трансфера сознания колеблется между техно-оптимизмом и экзистенциальным скептицизмом, когда возникнет дилемма: мы – это уникальное биологическое событие или же мы – это информация. Дилемма остается не разрешенной, так как техническая реализация полного «сканирования» мозга всё ещё находится в области разработки теоретической науки.

Одним из главных выводов является то, что при трансфере сознания произойдет антропологический разрыв, понимаемый как концепция, описывающая качественную пропасть между человеком и остальным животным миром, либо между различными стадиями развития самого человечества. В зависимости от контекста термин трактуется по-разному. В биологическом (эволюционном) контексте – это уникальный набор качеств, которые невозможно объяснить только биологической эволюцией – возникновение сознания, членораздельной речи, абстрактного мышления и способности к творчеству.

В философском контексте – это подтверждение того, что человек является единственным существом, которое может осознавать свое бытие и задаваться вопросом о смысле жизни, а потому действовать вопреки инстинктам и биологической целесообразности. В технологическом контексте – это гипотетическая ситуация, при которой из-за развития технологий (ИИ, генной инженерии, нейроинтерфейсов) часть человечества может настолько измениться физически и интеллектуально, что перестанет быть единым видом с остальными людьми.

Каковы же ключевые факторы, создающие «разрыв»: Во-первых, это культура как накопление и передача опыта вне генетического кода; во-вторых, это орудийная деятельность – создание инструментов для создания других инструментов; в-третьих, самосознание как способность отделять «Я» от внешнего мира.

В настоящее время активно развивается новая технология – нейрохакинг как совокупность методов и технологий для оптимизации работы мозга, повышения когнитивных способностей (памяти, внимания, креативности) и улучшения эмоционального состояния. Данная технология на сегодня включает следующие основные направления: 1) Ноотропы и нутрицевтики – использование веществ для улучшения обмена веществ в нейронах; 2) Технологические методы – тренировка мозга, позволяющих человеку сознательно управлять своими альфа- или бета-ритмами, а также стимуляция

мозга для улучшения концентрации или ускорения обучения; 3) Образ жизни и биохакинг – фундаментальные изменения, влияющие на нейропластичность (гигиена сна, интервальное голодание, медитация); 4) Цифровая гигиена – защита мозга от информационной перегрузки, а также борьба с фрагментацией внимания.

Следует признать, что транзит естественного интеллекта (ЕИ) в искусственный (ИИ) обусловлен фундаментальными ограничениями биологического мозга и потребностью цивилизации в расширении возможностей обработки информации. При этом основными причинами перехода являются: 1) Масштабируемость и скорость: Биологические нейроны передают сигналы со скоростью до 120 м/с, в то время как кремниевые и фотонные системы работают на скоростях, близких к скорости света, а ИИ способен обрабатывать массивы данных, недоступные для человеческого восприятия за аналогичное время; 2) Ограниченность биологического носителя: Мозг человека ограничен объемом черепной коробки, потреблением энергии и биологическим старением, а ИИ позволяет вынести интеллектуальные процессы на внешние носители, которые можно модернизировать и тиражировать бесконечно; 3) Сложность современных систем: Глобальные вызовы (климат, генетика, квантовая физика) требуют анализа миллионов переменных одновременно, тогда как естественный интеллект не приспособлен для удержания таких объемов данных в оперативной памяти без потерь; 4) Эволю-

ционный тупик: Биологическая эволюция протекает слишком медленно (миллионы лет), тогда как технологический транзит позволяет ускорить развитие когнитивных способностей через создание экзокортекса (внешней коры мозга) и интерфейсов «мозг-компьютер»; 5) Универсальность и передача опыта: Знания ИИ передаются мгновенно путем копирования кода или весов нейросети, тогда как обучение человека занимает десятилетия и требует повторения процесса для каждого нового поколения. Такой транзит рассматривается не как замена человека, а как этап создания гибридного интеллекта, где ИИ становится инструментом преодоления биологических лимитов человека.

Настоящее исследование не ставит целью ни технологический прогноз, ни апологию, ни запрет, а лишь философическое предупреждение. Причем, лишь в смысле фиксации границы: «здесь» человек ещё был человеком, «тут» человек ещё мог осознать себя как субъект истории. В этом аспекте, философия в эпоху незамеченной трансформации утрачивает иллюзию управлять будущим, а ее функция – свидетельствовать о том, что происходящее имеет цену, что интеллект без экзистенции пуст, а рациональность без трагизма бесчеловечна.

В указанном контексте, данная книга представляет собой попытку зафиксировать момент, когда человечество ещё могло задать себе вопрос: кто мы в этом переходе – творцы, носители, жертвы или временный инкубатор для иного со-

знания? И, возможно, это последняя форма философского диалога с человеком до того, как адресат окончательно исчезнет.

Наверняка, многие, осмысливая современную ситуацию бесконтрольного развития техники и технологий в геометрической прогрессии и все более отстающую по темпу и качеству развития гуманитарного ответа в арифметической прогрессии, задумываются: почему конец человека не выглядит как конец? А ведь исторически представление о конце человека всегда сопровождалось образами катастрофы – Армагеддон, Апокалипсис. Конец человека в наш век не выглядит как конец именно потому, что он не является уничтожением, а реализуется как замещение, как мягкое вытеснение одной онтологической формы другой. Иначе говоря биологический человек не ликвидируется, а лишь признаётся устаревшим, а потому требующим оптимизации, рационализации. В этом заключается принципиально новая форма финала: конец без разрушения и без трагедии.

Таким образом, нужно признать тот факт, что философская ошибка современности состоит в том, что конец отождествляется с исчезновением. Между тем антропологический конец может наступать как потеря статуса, а не как физическая гибель, ибо, он больше не является источником смысла, меры и ответственности, становясь промежуточным звеном в более сложной системе.

В наше технологизированное настоящее трансфер созна-

ния, нейроинтерфейсы и когнитивные экзоскелеты формируют ситуацию, в которой человеческое сохраняется лишь функционально, когда личность редуцируется до набора когнитивных операций, память — до данных, мышление — до вычислимых паттернов. Ученые полагают, что недалек тот срок, когда машина (ИИ, нейросеть) может посчитать, что экзистенциальное измерение, не поддающееся формализации, является побочным эффектом и может быть убран сам субъект как носитель экзистенций.

Важно понимание того, что уже сейчас машина (ИИ, нейросеть) под знаком рациональности, заботы, гуманизма нового типа постепенно отодвигает человека к его концу и с этим человек не только знаком, но и соглашается на собственную замену, поскольку он пока не замечает «общую картину», то есть не осознает вероятные утраты. Он сейчас находится в состоянии иллюзии, ибо видит, что ИИ, нейросеть ему помогают, заботятся о нем. Цена этой сделки станет заметной лишь постфактум, когда человека постигнет конец как субъект мира и истории.

Нужно также отметить, что в основе незамечаемой трансформации человека лежит и такой фундаментальный экзистенциальный мотив как страх смерти. Однако в современной цивилизации этот страх перестал быть предметом философского осмысления и стал объектом инженерного решения. Смерть более не принимается как предел, она интерпретируется как техническая проблема. Именно в этом пункте

происходит радикальный сдвиг: экзистенциальный вопрос «как жить, зная о смерти?» заменяется прагматическим вопросом «как устранить смерть как фактор?».

Ответом на вышеприведенные вопросы становится именно технологический проект трансфера сознания, цифрового бессмертия, резервного копирования личности, переноса когнитивных структур в иные носители. Однако устранение смерти не эквивалентно спасению человека, ибо, смерть выполняет в человеческой культуре структурообразующую функцию, придавая ценность времени, уникальность опыту, трагизм выбору и ответственность поступку. Техноэволюция, движимая страхом смерти, постепенно разрушает антропологический каркас, а в итоге человек больше не мыслится как конечное существо, а значит, утрачивает экзистенциальную глубину. В этом смысле трансфер сознания выступает не как победа над смертью, а как форма бегства от неё, когда человек спасает информацию о себе, но теряет самого себя как переживающее, страдающее и ответственное существо.

Одним из ключевых парадоксов современности является запаздывание философии по отношению к технологическим процессам. Философия традиционно осмысляла свершившееся: она приходила после войны, после революции, после катастрофы. Однако в ситуации незамечаемой трансформации это запаздывание становится фатальным. Сейчас технологии трансфера сознания развиваются в инженерной,

нейронаучной и корпоративной логике, где философия присутствует лишь в виде этических комитетов и декларативных ограничений. Этика здесь носит вторичный характер и не затрагивает фундаментальный вопрос: допустима ли сама постановка задачи замещения человека?

Ситуация такова, что философия оказывается вытесненной из зоны принятия решений и вынуждена реагировать постфактум. Она описывает, классифицирует, интерпретирует, но не влияет, а в результате возникает иллюзия философского участия при фактическом отсутствии философской субъектности. Настоящая работа пытается осмыслить происходящее из принципа «пока не поздно», в чем и состоит её предупреждающий характер, так или иначе пытаюсь ставить границы допустимого в онтологическом смысле. Мы полагаем, что граница, за которой исчезает человек как носитель смысла, не может быть пересечена без утраты самого основания человеческой истории.

Насилие традиционно мыслится как акт принуждения, сопровождаемый сопротивлением жертвы и осознанием причиняемого вреда. В ситуации незамечаемой трансформации мы сталкиваемся с принципиально иной формой насилия – насилием без субъекта и без переживания. Оно не распознаётся как насилие, поскольку не нарушает привычных границ комфорта и не вызывает немедленной боли. Нейрохакинг, трансфер сознания, когнитивные интерфейсы и алгоритмическое сопровождение мышления внедряются под лозунга-

ми оптимизации, рационализации. Человек, убаюканный заботы и расширения собственных возможностей добровольно соглашается на акты трансформации, не понимая масштаба утраты.

Когда человек поймет цену своей трансформации будет уже поздно: мышление утратит автономию и станет распределённым между биологическим и искусственным интеллектом, память перестаёт быть внутренним переживанием и превращается в управляемый массив данных, решения будут принимать машины. В рамках эстафетной гуманологии это означает разрыв гуманитарной преемственности. Эстафета обрывается не в момент катастрофы, а в момент модернизации.

Таким образом, на наш взгляд, одним из наиболее тревожных следствий философии трансфера сознания является изменение статуса человека. Он перестаёт рассматриваться как цель и начинает интерпретироваться как временный носитель, пригодный лишь до тех пор, пока не будет создан более устойчивый субстрат для сознания. В этой логике: во-первых, человеческий мозг – не уникальное условие субъективности, а несовершенный биокомпьютер с высокой вероятностью отказа; во-вторых, тело – устаревшая платформа, а сознание – переносимый контент.

Философская новизна ситуации состоит в том, что переходность не осознаётся как трагедия. Напротив, она интерпретируется как миссия: человек якобы выполняет исто-

рическую функцию – породить более совершенный интеллект. Однако при ближайшем рассмотрении эта миссия оказывается формой самоотрицания. Человек соглашается быть средством для иного, не задавая вопроса о том, сохранится ли в этом ином что-либо человеческое. В эстафетной гуманитарии передача предполагает сохранение смысла, ответственности и пределов. В модели трансфера сознания происходит иное: во-первых, передаётся структура, но не судьба; во-вторых, информация, но не экзистенция; в-третьих, алгоритм, но не совесть. Новый носитель может быть интеллектуально превосходящим, но философски пустым.

Таким образом, человек как переходный носитель оказывается в двойной ловушке. С одной стороны, он утрачивает право быть конечной целью эволюции, а с другой – он лишается возможности контролировать то, что именно он передаёт дальше. В этом контексте, философия предупреждения, развиваемая в данной работе, настаивает на необходимости зафиксировать этот момент: если человек принимает статус переходной формы, он тем самым подписывает отказ от собственной антропологической уникальности. После этого вопрос о сохранении человеческого теряет адресата.

Таким образом, введение в целом формирует замкнутый философский контур: во-первых, незаметность трансформации как условие её успешности; во-вторых, страх смерти как скрытый мотор техноэволюции; в-третьих, опоздание философии как фактор утраты субъектности; в-четвертых, транс-

формация как форма насилия без сопротивления; в-пятых, человек как переходный носитель, утративший право быть целью. Тем самым введение выполняет не информативную, а установочную функцию, задавая своеобразную оптику всей последующей книги и фиксирует момент, после которого философия уже не может позволить себе нейтралитет.

Обзор философских функций собственных произведений в рамках философии незамеченной трансформации человека.

В данной главе изложены результаты философского анализа трансфера сознания в контексте собственных произведений (монографии, нарративные тексты, концепции), рассмотрены нами как единый концептуальный цикл, а не как набор отдельных сюжетов. Анализ выполнен в логике антропологии, философии медицины и техно-эсхатологии. Общая рамка: трансфер сознания как антропологический эксперимент. Во всех работах трансфер сознания выступает не как техническая процедура, а как онтологическое насилие над человеком, проверка пределов допустимого вмешательства в идентичность, телесность, смертность, моральную ответственность. Разумеется, наши труды последовательно демонстрируя трансфер сознания, однако, не решают сложную проблему человека, возможно лишь их радикализируют.

Начнем с научно-фантастических романов, которых мы рассматриваем как протофилософию. В романе «Аватар» отражена иллюзия продолжения Я. Философская функция этого произведения – это критика психологического крите-

рия тождественности (Локк, Парфит). Ключевой тезис: Аватар – не «я в новом теле», а онтологически корректный двойник, обладающий: моей памятью, моими привычками, моим стилем мышления, но не моей экзистенцией. Антропологический вывод: «Субъект не может «переехать» – он может быть только воспроизведен». В терминах феноменологии это означает: «ноэма сохранена, но ноэзис утрачен» (Husserl).

В романе «Биокомпьютер» отражена редукция человека до вычислимости. Сознание трактуется как алгоритм, модуль, вычислительная архитектура. Критический момент: Даже при полной симуляции когнитивных функций исчезает: страдание, ответственность, нравственный выбор как риск. Здесь нами делается резюме о том, что биокомпьютер – это эпистемологический успех, но и антропологическая катастрофа, ибо, сознание становится работоспособным, но перестает быть человеческим. О таком исходе писали Dennett, Chalmers и др.

Философская функция романа «Биовзлом» отразить трансфер сознания как форму насилия, а не как терапии. Заложена идея вторжения в телесные границы, взлома автономии личности, а также утраты права на «непрозрачность». По сути, биовзлом сознания человека равняется новой форме онлайн-преступления, где тело – объект, сознание – уязвимость, а технология – инструмент власти. Мы делаем следующих этический вывод: Трансфер разрушает фундамент

биоэтики – принцип информированного согласия, о чем писали Beauchamp, Childress и др.

Философская функция романа «Клон дервиша» – это радикальная проверка идеи духовного наследования. Клон Ибн Сино знает, мыслит, рассуждает, но не является субъектом той же духовной судьбы. Парадокс заключается в том, что можно клонировать интеллект, но нельзя клонировать: путь, страдание, экзистенциальный выбор. Нами делается вывод о том, что духовность не передается трансфером – она формируется через смертность. Роман «Фиаско» отражает техно-эсхатологию провала: технология не спасает, прогресс не искупает, а рациональность не гарантирует смысла. Технология может позволить устранить смерть, но не устраняет трагедию выбора. Эсхатологический вывод: «Отмена смерти не ведет к спасению, а ведет к онтологической стагнации». Об этом в свое время писал Heidegger.

Философская функция романа «Пересотворить человека» отразить пределы вмешательства в телесность человека. Финальная точка цикла – вопрос: Имеем ли мы право пересоздавать то, смысл чего не поняли? Дело в том, что пересотворение человека означает: утрату меры, гибель человеческого как категории, переход от лечения к проектированию. Ключевой вывод: «Человек – не объект апгрейда, а существо предела». О философских замыслах других научно-фантастических и эзотерика-философских романов («Поиск истины», «Икс-паразит», «Ошеломлённый мозг», «Похороны

смерти» и др.) будет сказано в рамках обобщенных монографий.

В целом, интегральный философский вывод цикла художественных нарративов: во-первых, трансфер сознания равно копированию, а не продолжение Я; во-вторых, тело – не контейнер, а условие субъектности; в-третьих, смертность – не дефект, а источник смысла; в-четвертых, технология без философии ведет к дегуманизации; в-пятых, бессмертие – это форма экзистенциального обмана. В итоге, получается, что чем совершеннее трансфер сознания, тем менее возможен человек.

Монографии "Трансфер сознания", "Переформатирование сознания", "Дихотомия мозга и сознания", "Киберфилософия мозга и сознания" и др., рассмотренные как единый философско-научный корпус, дополняющий и теоретически углубляющий художественный цикл формируют анти-редукционистскую платформу, в которой последовательно отвергаются три доминирующих допущения технооптимизма: во-первых, тождество сознания и нейронного субстрата; во-вторых, возможность полного оцифровывания субъективности; в-третьих, эквивалентность копирования и продолжения личности. Центральным методологическим ходом является разведение уровней: мозг – сознание – личность – экзистенция.

В монографии «Трансфер сознания» разворачивается философия предельного заблуждения. В ней трансфер рас-

сматривается не как технологическую задачу, а как онтологическую ошибку категории. Трансфер предполагает перенос: либо субстрата, что невозможен, либо информации, что недостаточен, либо личности, что категориально некорректен. Сознание не обладает свойством транспортабельности, поскольку не объект, не субстанция, не сумма данных. Напрашивается научно-философский вывод о том, что любой трансфер – это репликация когнитивной конфигурации, но не продолжение субъекта. То есть сознание не перемещается, оно либо возникает, либо исчезает. Аналогичную позицию придерживаются Dennett, Searle, Chalmers и др.

В монографии «Переформатирование сознания» освещается вопрос утраты автономии «Я». Если трансфер – это «перенос», то переформатирование – вмешательство изнутри. Здесь имеет место смещение проблемы, когда сознание модифицируется, оптимизируется, перенастраивается. Но здесь имеет место и философский риск, ибо, при переформатированном сознании: во-первых, человек утрачивает биографическую целостность; во-вторых, эта картина становится продуктом дизайна; в-третьих, человек теряет моральную ответственность. Можно сделать антропофилософский вывод о том, что переформатирование – это форма онтологической цензуры, при которой стирается травма, нивелируется вин, уничтожается личностный рост. О таком исходе сообщали Floridi, Beauchamp, Childress и др.

В монографии «Дихотомия мозга и сознания» разруша-

ется наивный нейромонизм, вводя принцип: мозг $\neq$ сознание, когда сознание коррелирует с мозгом, но не исчерпывается им. То есть нейронная карта не тождественна переживанию, смыслу, интенциональности. При трансфере сознания даже полное копирование мозга не гарантирует появления субъекта, а также не воспроизводит экзистенциальную перспективу. Теоретические контексты описаны Husserl, Nagel, Chalmers и др.

В монографии «Киберфилософия мозга и сознания» техно-рациональность рассматривается как угроза. Сознание редуцируется до данных, алгоритмов, нейросетей. Однако, код не знает боли, вины, страха смерти. Если технология требует формализации, воспроизводимости, то сознание основано на уникальности, необратимости, конечности. Если говорить об эсхатологическом аспекте, то киберфилософия, утратив антропологическую меру, превращается в антиэсхатологию – отмену смерти без спасения.

В целом, вышеприведенные монографии формируют четырёхуровневую критическую модель: 1) Нейронный уровень – объект науки; 2) Сознательный уровень – феномен переживания; 3) Личностный уровень – биография и ответственность; 4) Экзистенциальный уровень – смысл, смерть, предел. Между тем, трансфер возможен только на первом уровне. С одной стороны, чем выше уровень, тем принципиальнее невозможность переноса, а с другой стороны, технология может скопировать мозг, но не может продолжить че-

ловека.

Находим нужным осветить итоги системно-развернутого анализа трансфера сознания в контексте серийных монографий: "НФ-философия", "Антропофилософия", "Биофилософия", "Моральная философия", "Нейрофилософия", "Философия социальных инфекций", "Гуманитарные технологии в технологизированной медицине". Нужно отметить, что анализ выстроен с акцентом на понятийную преемственность между монографиями в целях достижения определенной метапозиции в отношении трансфера сознания как главной проблемы.

В рамках трилогии «НФ-философия» трансфер сознания выступает как мысленный эксперимент, доводящий научно-технические предпосылки до онтологического предела. При этом философская функция протофилософии является: во-первых, выявление скрытых допущений технорациональности; во-вторых, моделирование антропологических катастроф; в-третьих, проверка логики «если возможно – значит допустимо». В этом контексте, НФ-философия в нашей интерпретации – не жанр, а критический метод, показывающий: трансфер сознания логически мыслим, но антропологически разрушителен. Есть аналогичные суждения Popper, Dennett, Bostrom.

В трилогии «Антропофилософия» так или иначе задается онтологическая граница: «человек – это не носитель сознания, а экзистенциальное единство». Трансфер в этом контек-

сте: во-первых, разрушает телесно-биографическую целостность; во-вторых, подменяет «быть» на «функционировать»; в-третьих, отменяет смертность как источник смысла. Здесь напрашивается вывод о том, что трансфер сознания – есть форма антиантропологии, где человек утрачивает статус меры. Есть аналогичные идеи Scheler, Plessner, Heidegger и др.

В трилогии «Биофилософия» отражается предел вмешательства в живое. Сознание рассматривается как функция живого целого, а не изолированный модуль. Причем, любая попытка трансфера: во-первых, разрывает связь сознания с биологической историей; во-вторых, игнорирует роль соматического опыта; в-третьих, превращает жизнь в носитель данных. На этом основании можно сделать вывод о том, что трансфер сознания – это биологически некорректная операция, поскольку живое не переносится, а только продолжается или прекращается. Есть параллельные мысли Jonas, Varela и др.

В трилогии «Моральная философия» речь идет о разрушении морали и ответственности. Моральная ответственность предполагает уникального субъекта, необратимость поступка, конечность жизни. Эффектом трансфера является размывание именно субъекта ответственности, когда происходит моральная анонимизация копий и исчезновение трагического измерения выбора. Здесь напрашивается вывод о том, что трансфер сознания подрывает саму возможность морали, превращая её в алгоритм поведения, а не риск по-

ступка. Об этом писали еще Kant, Ricoeur, Jonas.

В трилогии «Нейрофилософия», на фоне критики нейро-редукционизма выстраивается методологическое ядро нейрофилософии. Она не апология нейронауки, а её философская коррекция. Принципиальный тезис: Корреляция $\neq$ тождество, ибо, мозг – условие сознания, но не его эквивалент. Даже идеальное копирование мозга не гарантирует субъективного опыта, не воспроизводит «первое лицо», а создает лишь функционального двойника. Эти мысли прослеживаются в трудах Nagel, Chalmers, Searle.

В трилогии «Философия социальных инфекций» трансфер сознания рассматривается как эпидемия идей. То есть осуществляется своеобразный социально-философский поворот, когда трансфер сознания трактуется уже как меметическая инфекция, заражающая общественное воображение. Причем, симптомами такой инфекции являются: культ бессмертия, фетишизация технологии, дегуманизация страдания, а также нормализация вмешательства в личность. Вывод, который делается нами: «Опасен не сам трансфер, а его идеология, подменяющая философию верой в технологическое спасение». Эти мысли согласуются с идеями Girard, Dawkins, Foucault и др.

В трилогии «Гуманитарные технологии в технологизированной медицине» нами выстраивается, если можно так выразится, последняя линия обороны. Перед нами стояла методологическая задача: вернуть в медицину субъект, смысл,

диалог, предел допустимого. На наш взгляд, трансфер в медицинском контексте: во-первых, это крайняя форма медиализации бытия; во-вторых, это переход от лечения к конструированию; в-третьих, это утрата принципа «не навреди». Нами делается вывод о том, что без гуманитарного контроля трансфер сознания превращает медицину в инженерию постчеловека. Аналогичные суждения позиционируются в работах Beauchamp, Childress, Pellegrino и др.

В целом, интегральный философский синтез показывает, что, во-первых, трансфер сознания логически возможен, но онтологически ложен; во-вторых, сознание неотделимо от живого, телесного и смертного, а потому личность не копируется без утраты ответственности; в-третьих, технология без философии становится формой насилия. В этом контексте можно твердо сказать: С одной стороны, человечность сохраняется только через признание предела, а с другой – не всё, что может быть сконструировано, может быть оправдано как человеческое.

На наш взгляд, строгое концептуальное встраивание проблематики трансфера сознания нами отражено в нашей философской доктине «Эстафетная гуманология», понимаемую как метафилософия сохранения человеческого через последовательную передачу смыслов, а не носителей. В чем заключается исходная установка эстафетной гуманологии? Эстафетная гуманология утверждает принципиальное различие между продолжением человека и передачей челове-

ческого. Человек смертен и непродолжаем, но человеческое передаваемо – через культуру, знание, мораль, ответственность. Тем самым эстафета – альтернатива трансферу. Ключевая антиномия: трансфер / эстафета.

Если в трансфере сознания акцентируется на отмену смерти и иллюзию бессмертия, перенос и копирование субъекта, а также на диктат технологической логики, то в нашей концепции акцент делается на наследование смыслов, принятие конечности человека, а также на историческую преемственность и гуманитарную логику. Наш принципиальный тезис: «Трансфер пытается спасти индивида, а эстафета сохраняет человека как вид и культуру». Эстафета разворачивается по четырём уровням: Первый. Биологический уровень (биофилософия). Здесь передается не жизнь, а условия жизни – забота о теле, предел вмешательства, уважение к живому, что означает противопоставление биовзлому и пересотворению.

Второй. Когнитивный уровень (нейрофилософия, киберфилософия). Здесь передается не сознание, а знания, способы мышления, научные парадигмы. Акцентируется на то, что сознание не переносится, но обучаемо.

Третий. Моральный уровень (моральная философия). Здесь передается ответственность, вина, нравственный риск. Акцентируется на то, что копия не может быть ответственной, но воспитанный человек – может.

Четвертый. Экзистенциально-культурный уровень (антропофилософия, НФ-философия). Здесь передается смысл

страдания, опыт конечности, а также экзистенциальные вопросы. Между тем, они и составляют ядро человеческого.

Если говорить о роли философии социальных инфекций, то, согласно нашей концепции «Эстафетная гуманология» философской ее функция является диагностика сбоев эстафеты. Трансфер сознания здесь трактуется как инфекционная идея, заражающая культуру верой в техническое спасение, а также разрушающая традиционные механизмы передачи смыслов. Закономерность такова, что когда эстафета прерывается, возникает соблазн трансфера.

Согласно концепции гуманитарные технологии рассматриваются как механизм эстафеты. По сути, речь идет об институционализированной эстафеты, обеспечивающей передачу клинической мудрости, этических ограничений, человеческого отношения по схеме: врач → не инженер, пациент → не объект, технология → не цель. Если говорить о пересмыслении трансфера сознания внутри эстафеты, то нужно отметить, что встроенный в эстафетную гуманологию, трансфер сознания получает иной статус философского предупреждения о том, где пытаются перенести сознание, уже утрачена вера в передачу смысла.

В монографии «Философская эсхатология» (научная доктрина) нами обобщены материалы по формированию анти-трансгуманистическую эсхатологию, утверждая: во-первых, конец человека ≠ конец человеческого; во-вторых, смерть индивида ≠ обрыв истории; в-третьих, спасение не

индивидуально, а культурно. При этом эсхатон эстафетной гуманитарологии – не бессмертие личности, а непрерывность человеческого измерения. Интегральная формула доктрины: «Человек не переносится, а передается». Именно в этом различии сходятся: трансфер сознания как ошибка; биофилософия как предел; нейрофилософия как коррекция; моральная философия как условие; антропофилософия как мера; философия социальных инфекций как защита; гуманитарные технологии как практика.

Находим нужным представить анализ нейрохакинга – технологии вмешательства в нейронные механизмы сознания с целью модификации восприятия, коррекции поведения, усиления когнитивных функций, перепрограммирования мотиваций. Важно осознавать, что философски нейрохакинг – это новая форма власти над субъектом, действующая до рефлексии и мимо согласия. Так или иначе нейрохакинг – это антиэстафета, поскольку он не передает смыслы, не формирует ответственность, не предполагает внутреннего присвоения опыта. Мы акцентируем внимание на то, что во-первых, там, где можно переписать мозг, эстафета утрачивает смысл, а, во-вторых, искажается четырехуровневая модель (мозг → сознание → личность → экзистенция). В этом аспекте, мозг становится объектом взлома, сознание – продуктом манипуляции, личность – теряет автономию, а экзистенция – редуцируется к функциональности. В итоге, возникает деперсонализированный и деэкзистенциализированный субъект.

Если рассуждения перенести в биофилософский аспект, то согласно нашей концепции трансфер сознания так или иначе всегда связан со взломом живого, а потому вмешательство допустимо лишь как восстановление, тогда как нейрохакинг нарушает этот принцип, переводя живое в режим инженерного объекта. В этом смысле, нейрохакинг является формой биологического редуционизма. Нейрофилософский аспект нейрохакинга – если изменить нейронные паттерны, то можно изменить человека. Однако, модификация паттерна не гарантирует изменения смысла и субъективного опыта. Возникает парадокс: «чем глубже взлом, тем непредсказуемее экзистенциальный эффект», что упоминается в трудах Nagel, Chalmers и др.

Если говорить о морально-философских аспектах, то прежде всего следует отметить то, что нейрохакинг программирует решение, устраняет риск, снимает вину и ответственность, тогда как мораль предполагает автономию воли, возможность выбора, ответственность и риск ошибки. То есть нейрохакинг вызывает распад ответственности и симуляцию морали. Хотелось бы обратить внимание на то, что с позиции философии социальных инфекций, нейрохакинг следует рассматривать как эпидемию, ибо, он распространяется через риторику «улучшения», оправдывая целевое вмешательство в человеческую суть, так или иначе стигматизируя «немодифицированных». Особая опасность нейрохакинга как социальной инфекции заключается в том, что он

заражает не только мозги, но и культурные нормы.

Если рассуждать о пределах допустимого в технологизированной медицине, то нейрохакинг превращает врача в оператора, пациента – в платформу, а терапию – в настройку, тогда как наша концепция требует сохранять субъектность пациента и вводить гуманитарный контроль. В целом, нужно отметить родство логик трансфера сознания и нейрохакинга. По сути, нейрохакинг – это подготовительный этап трансфера, так как сначала переписывают мозг, затем копируют структуру, а потом объявляют перенос личности. Все это ведет к редукции человека к информации, а это и есть конечная цель трансфера сознания.

Эстафетная гуманология противопоставляет нейрохакингу, считая, что человека нельзя взломать, не уничтожив человеческое. При тотальном внедрении нейрохакинг постепенно будет исчезать личность, его свобода, история, будущее. Между тем, это и есть мягкая техно-эсхатология – конец человека без катастрофы. В чем заключается суть эстафетной гуманологии как этики антинейрохакинга? Прежде всего, это система норм и запретов, направленных на сохранение передаваемого человеческого (смысла, ответственности, свободы), при признании недопустимости прямого вмешательства в структуру субъектности.

Находим нужным осветить базовые положения этики антинейрохакинга: Первое. Принципиальные основы: во-первых, принцип несводимости – сознание и личность не своди-

мы к нейронным конфигурациям; во-вторых, принцип переносимости субъектности – субъект не может быть модифицирован или перенесен без утраты тождества; в-третьих, принцип экзистенциального предела – свобода и ответственность возможны только в условиях конечности; в-четвертых, принцип эстафеты – человеческое сохраняется через передачу смыслов, а не через переписывание носителей.

Второе. Онтологические запреты и ограничения: во-первых, запрет редактирования личности – недопустимы вмешательства, изменяющие ядро идентичности, структуру ценностей, биографическую целостность; во-вторых, разграничение коррекции и взлома – допустима коррекция функции, недопустима реконфигурация субъекта; в-третьих, запрет предиктивного программирования – недопустимо формирование поведения до его осознания субъектом.

Третье. Нормативные принципы: во-первых, принцип субъектной инвариантности – после вмешательства субъект должен оставаться тем же, а не функционально эквивалентным; во-вторых, принцип обратимости – любое допустимое вмешательство должно быть временным, отменяемым, осознаваемым; в-третьих, принцип внутреннего присвоения – изменение допустимо лишь тогда, когда результат достигается через рефлекссию и усилие субъекта, а не обходом сознания; в-четвертых, принцип эстафетной замены- если цель может быть достигнута обучением, диалогом или воспитанием, нейровмешательство этически запрещено.

Здесь важно отразить этическую классификацию нейровмешательств: 1) Этически допустимые (терапия утраченных функций, обезболивание, восстановление после травм, поддержка базовой жизнедеятельности); 2) Условно допустимые (реабилитационные нейромодуляции, вспомогательные когнитивные протезы, временные нейростимуляции под контролем); 3) Этически недопустимые (перепрограммирование мотиваций, коррекция ценностей, стирание памяти как нормы, нейрооптимизация личности, нейроконтроль поведения).

Четвертое. Экзистенциальные принципы: во-первых, принцип неразделимости вины – ответственность за действие не может быть перенесена на технологию; во-вторых, принцип неалгоритмизируемой морали – моральное решение не может быть задано программно; в-третьих, принцип биографической ответственности – любое вмешательство должно сохранять способность субъекта нести ответственность за свою историю.

Пятое. Социально-инфекционный контур: во-первых, принцип профилактики нейрохакинг-инфекций – государство и наука обязаны противостоять нормализации нейрохакинга как моды; во-вторых, принцип культурного иммунитета – общество должно укреплять гуманитарные формы эстафеты образования, традиции, профессиональную этику.

Шестое. Медицинско-гуманитарный протокол: во-первых, врач как хранитель предела. Врач не оператор, а мо-

ральный агент; во-вторых, принцип двойного контроля – каждое нейровмешательство требует медицинского, гуманитарно-этического допуска; в-третьих, принцип отказа – пациент имеет право отказаться от нейроулучшения без санкций.

В чем заключается эсхатологическое предупреждение? Если нейрохакинг становится нормой, вытесняет эстафету, подменяет воспитание вмешательством, то возникает мягкая антропологическая катастрофа – конец человека без трагедии. Между тем, итоговой формулой этики следует считать следующее: «Допустимо лечить мозг, но

недопустимо переписывать человека». Это можно выразить в эстафетной формуле: «Человеческое передается, но не взламывается».

Понимая важность предупреждения как философского действия мы провели анализ феномена «неосознания происходящего», встроенный в эстафетную гуманологию и развернутый как философия предупреждения человечеству. Анализ носит системный, предостерегающий характер и завершает ранее сформированную линию: трансфер сознания → нейрохакинг → этика предела → культурная слепота.

Неосознание происходящего – это состояние цивилизационного субъекта, при котором изменения уже радикальны, последствия необратимы, но смысл происходящего не схвачен, а ответственность не принята. Между тем, это не незна-

ние и не невежество, а утрата способности к рефлексивному различению предела. В такой ситуации, человечество действует, не понимая, что именно оно перестает быть собой.

В чем заключается онтология неосознания? Неосознание имеет структурные причины: во-первых, темп технологических изменений – техника опережает философию, этику, культурное осмысление. Мы констатируем критический дисбаланс (Научное открытие: «Закономерная связь между технологическими и гуманитарными предосторожностями»); во-вторых, фрагментация знания – наука знает «как», но не знает «зачем» и «что это меняет в человеке»; в-третьих, иллюзия контролируемости – человек путает управление процессами с пониманием их последствий. В целом, неосознание – это побочный продукт технорациональности, о котором упоминали еще Heidegger, Jonas и др.; в-третьих, неосознание как антропологическая патология – в рамках эстафетной гуманологии неосознание трактуется как патология передачи. Эстафета разрывается, когда опыт не передается, смысл не наследуется, предупреждение не усваивается. Возникает поколенческий парадокс: «мы знаем больше, чем когда-либо, но понимаем меньше, чем необходимо»; в-четвертых, связь с нейрохакингом и трансфером сознания – неосознание – питательная среда для нейрохакинга, переформатирования сознания, проектов бессмертия, редукции человека к информации. Человек соглашается на вмешательство, потому что не видит границы, не чувствует

утраты, не осознает необратимости. Формула: «Когда исчезает осознание, вмешательство кажется прогрессом»; в-пятых, неосознание как социальная инфекция – в логике философии социальных инфекций неосознание обладает свойствами эпидемии распространяется через язык оптимизации, маскируется под рациональность, подавляет тревогу как «иррациональную», стигматизирует сомнение. Симптомами являются отказ от трагического мышления; инфантилизация ответственности, культ «удобного будущего».

В чем заключается этика предупреждения? Философия предупреждения – это философия последнего слова, а потому не прогноз и не футурология, а этический акт, совершаемый до необратимости. Она не предлагает решений, фиксирует границу и апеллирует к ответственности, а не к выгоде. Предупреждение всегда звучит слишком рано и всегда оказывается запоздавшим. Такая мысль прослеживается в работах Jonas, Arendt. На наш взгляд, «Эстафетная гуманология» – это одна из форм предупреждения, выполняющая свою функцию на четырёх уровнях: 1) Биологическом – предупреждение против взлома живого; 2) Когнитивном – против редукции сознания к алгоритму; 3) Моральном – против исчезновения ответственности; 4) Экзистенциальном – против утраты смысла смертности. Эстафета здесь – механизм передачи предупреждений, а не только знаний.

В чем заключается парадокс предупреждения? Если предупреждение услышано – катастрофы не видно, а если ка-

тастрофа видна – предупреждение уже бесполезно. Отсюда культурная слепота к «Трагедии Кассандры» и вообще философии как таковой. А ведь предупреждение имеет техно-эсхатологический горизонт, ибо, неосознание их формирует особый тип конца – без апокалипсиса, без трагедии, без осознания утраты. Между тем, это эсхатология без эсхатона – исчезновение человека как меры при сохранении биологического и технического существования. Самая большая опасность не в технологиях, а в том, что человек перестаёт понимать, когда он перестаёт быть человеком. В этом контексте, предупреждение – это последняя форма ответственности, доступная философии.

Часть I

Человек как проблемный носитель сознания.

Глава 1. Биологическая ненадёжность человека как назревающая проблема современности.

.1.

Феномен внутреннего разрушения человека.

Современная философия трансфера сознания начинается не с технологий, а с переоценки человека. Биологический человек всё чаще описывается как слабое звено эволюции, как система с высокой степенью отказа, ограниченным ресурсом времени и внутренней нестабильностью. Эта переоценка носит не публицистический, а научно-инженерный характер: «человек становится объектом диагностики, аудита и оптимизации». Человек не только онтологически недостаточен, но и очень уязвим в аспекте разрушения в биологическом плане. Причем, то, что разрушает человека изнутри, не приходит извне, а это встроенный механизм саморазрушения, заложенный в самой природе человеческого существования.

То есть настоящий источник разрушения находится в самой структуре человеческого сознания. В том, как оно устроено, в том, как оно воспринимает реальность, в том, как оно создаёт смыслы там, где их нет.

Человек – единственное существо на этой планете, способное разрушить себя через осознание. Он, перешагнув инстинкты как границы, развил способность наблюдать за собой со стороны, анализировать свои мысли, оценивать свои действия. Сознание – это зеркало, направленное на само себя. Когда зеркало смотрит в зеркало, возникает бесконечная цепь отражений. Человеческое сознание не просто наблюдает реальность, оно наблюдает за тем, как оно наблюдает реальность. Оно оценивает свои оценки и в этой бесконечной рекурсии теряется сама суть существования. В настоящее время число людей, страдающих от депрессии, тревожности, панических атак, растёт экспоненциально. В нашей трилогии «Философия социальных инфекций» мы рассматриваем некоторые социально-психологические феномены как эндемия, эпидемия и пандемия, представляя их как инфекцию, распространяющейся от человека к человеку. Страх, сомнения, разочарования, – это естественное следствие развития сознания. Чем больше человек осознаёт себя, тем больше он страдает. Чем глубже он погружается в анализ собственного существования, тем яснее видит пустоту.

Вечные сомнения – это первые трещины, через которых проникает разрушение. Когда все большее число людей на-

чали сомневается, что Бог существует, человечество вошло в фазу активного саморазрушения. Люди начали искать смысл в науке, в прогрессе, в технологиях, в материальном благополучии. Но каждая новая система смыслов рушилась быстрее предыдущей, потому что все они были построены на одной и той же ошибке, на предположении, что смысл существует объективно, где-то вовне, и его нужно просто найти. Вот-так люди начали искать новые смыслы в технологиях.

Страх – это фундамент человеческого существования. Страх смерти, страх перед небытием, перед утратой себя, перед исчезновением человек носит это знание с собой каждую секунду своей жизни, и это знание отравляет всё. Мозг не может смоделировать своё отсутствие. Вот почему человек цепляется за идею бессмертия в любой форме: во-первых, продление жизни через науку и медицину; во-вторых, цифровое бессмертие через загрузку сознания в компьютер; в-третьих, социальное бессмертие через славу и память; в-четвертых, генетическое бессмертие через детей; в-пятых, духовное бессмертие через душу. Однако, правда в том, что разрушение неизбежно. Почему?

Оказывается, что человек не создан для того, чтобы видеть правду, так как его мозг эволюционировал не для познания истины, а для выживания и размножения. А для выживания нужны иллюзии: во-первых, иллюзия контроля; во-вторых, иллюзия смысла; в-третьих, иллюзия важности; в-четвертых, иллюзия будущего. Между тем, сама иллюзия и

само будущее являются источниками разрушения. Человек иллюзорен, по сути, постоянно проецируя себя в будущее, планируя, мечтая, беспокоясь. Вся его жизнь — это подготовка к чему-то, что должно произойти потом: детство — подготовка к взрослению, юность — подготовка к карьере, зрелость — подготовка к старости, а старость — подготовка к смерти. Человек откладывает жизнь на потом, и это потом никогда не наступает.

Существуют несколько типов людей с некоторыми паттернами поведения и поступков. Одни находят новую иллюзию и начинает функционировать, но что-то внутри него уже сломано. Другие пытаются жить сознанием абсурда, понимая, что жизнь не имеет смысла, но решая продолжать жить, создав свои собственные смыслы. В мире достаточно много философских систем, пытавшиеся решить проблему смысла без обращения к трансцендентному: экзистенциализм, прагматизм, гуманизм, трансгуманизм. Все они предлагают человеку создать смысл самостоятельно: через аутентичность, через полезность, через развитие человечества, через эволюцию в пост человека. Но все эти решения упираются в одну и ту же стену — конечность существования.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.